На вопросы шеф-редактора журнала «ЗАКОН» Владимира Румака отвечает **судья Конституционного Суда РФ Сергей Дмитриевич КНЯЗЕВ**

НЕ ПЕРЕСТУПИТЬ ТОНКУЮ ГРАНЬ, КОТОРАЯ ОТДЕЛЯЕТ ТОЛКОВАНИЕ ЗАКОНА ОТ ЕГО ПОПОЛНЕНИЯ НОВЫМИ ПРАВИЛАМИ

Родился 15 февраля 1959 г. в Павловском Посаде Московской области.

В 1981 г. с отличием окончил юридический факультет Дальневосточного государственного университета (ДВГУ; ныне Дальневосточный федеральный университет) по специальности «Правоведение».

Обучался в очной целевой аспирантуре юридического факультета Ленинградского университета (ныне Санкт-Петербургский государственный университет). В 1985 г. под научным руководством проф. Б.В. Дрейшева защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовое обеспечение планирования комплексного развития городов (административно-правовой аспект)».

С 1985 по 1990 г. — ассистент, старший преподаватель, с 1990 по 1996 г. — доцент, с 1996 г. — профессор кафедры государственного и международного права юридического факультета ДВГУ.

С 1989 по 1990 г. — заместитель декана, а с 1990 по 1995 г. — декан юридического факультета ДВГУ.

С 1995 г. — первый заместитель директора, заведующий кафедрой государственного и административного права Юридического института ДВГУ.

В 1999 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Избирательное право в правовой системе Российской Федерации (проблемы теории и практики)».

Автор, соавтор более 350 публикаций по различным вопросам конституционного, административного, муниципального и иных отраслей права.

С 1995 по 2008 г. возглавлял Избирательную комиссию Приморского края. По решению Думы Приморского края руководил рабочей группой по подготовке проекта Устава Приморского края, который был принят 12 сентября 1995 г.

15 октября 2008 г. назначен судьей Конституционного Суда РФ. Заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Увлекается баскетболом. В 2007–2008 гг. — председатель правления баскетбольного клуба «Спартак-Приморье» (Владивосток).

Женат, имеет двух дочерей и сына.

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

— В начале октября стало известно о реакции ПАСЕ на приостановление Россией выплаты в бюджет Совета Европы. Несмотря на то, что Россия подтвердила свои обязательства в рамках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, такой шаг и реакция на него не могут не тревожить. Если хотя бы гипотетически предположить, что конфликт пойдет по стресс-сценарию, сможет ли Конституционный Суд РФ выступить неким гарантом защиты прав человека и, по сути, взять на себя функции, которые сейчас выполняет ЕСПЧ?

— Я бы не стал на этом основании всерьез строить прогнозы, предполагающие, что граждане Российской Федерации останутся без права на обращение в Страсбургский суд, и задумываться, не окажутся ли тогда они беззащитными перед лицом своего государства, особенно в спорах с различными представителями публичной власти.

Напомню, что возможность обращаться в Европейский суд по правам человека появилась у российских граждан не сразу, но это не лишало их возможности добиваться защиты своих прав не только во внутригосударственном правопорядке, путем обращения в национальные суды, включая Конституционный Суд, но и использовать в рамках Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах[1] такую процедуру, как обращение в Комитет по правам человека. Последняя, кстати, имеется и по сей день и, в сущности, является параллельной, обладающей во многом судебной природой, формой международной защиты прав и свобод человека; при этом никаких сигналов о выходе России из этого Протокола до настоящего времени не замечено.

Таким образом, опасность того, что Россия может совершенно выпасть из международной системы судебно-правовой защиты прав и свобод человека, немного преувеличена. Это первое.

Второе: надо понимать, что за прошедший после принятия Конституции период (а в следующем году ей будет четверть века) отечественная судебная система серьезно изменилась. Я не хочу ее идеализировать и говорить, что она уже работает беспроблемно и отлажены все механизмы, связанные с судебной защитой прав и свобод человека и гражданина, но, как кажется, многие отдают себе отчет в том, что ситуация улучшается, пусть постепенно, но улучшается. Да и вряд ли вообще в мире найдется система судебной защиты, которая характеризовалась бы как идеальная. Проблемы есть везде, и в Российской Федерации в частности, но то, что и российское общество в целом, и публичная власть, и сама судебная система отдают себе отчет в том, что эти проблемы существуют, позволяет надеяться на то, что они будут шаг за шагом решаться.

Обращу внимание еще на один момент: по смыслу самой Конституции граждане Российской Федерации, бесспорно, должны иметь возможность обращения в наднациональные юрисдикционные органы. Это прямо вытекает из ч. 3 ст. 46 Конституции. Вместе с тем нужно осознавать, что при сопоставимости, при всей заметной схожести тех гарантий, прав и свобод, которые закреплены в Конституции и в международных договорах, участницей которых является Российская Федерация, расхождения между ними все-таки неизбежны, в том числе потому, что эти гарантии сегодня существуют и действуют не сами по себе, а, как правило, в их интерпретации компетентными судебными органами. А эта интерпретация может основываться на различном понимании как конвенционных (наднациональных), так и национальных (конституционных) ценностей, — это нормально, и из этого не стоит делать трагедию; причем разрешение (снятие) этих действительных или мнимых конфликтов (коллизий) не всегда должно быть *a priori* ориентировано на позиции, занимаемые органами наднационального правосудия.

В практике Конституционного Суда РФ уже имели место прецеденты, когда он признавал невозможным исполнение решений Европейского суда по правам человека, поскольку толкование, данное ЕСПЧ положениям Конвенции, расходилось с Конституцией или с основанными на ее положениях (нормах) правовыми позициями Конституционного Суда. Да, реакция на эти решения была неоднозначной, зачастую негативной, в том числе и в российской юридической среде, но вот что удивительно: Россия является участницей

[1] Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966).

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

не только Совета Европы, но и многих других межгосударственных союзов, в частности Евразийского экономического союза, что иногда вынуждало Конституционный Суд принимать и решения, расходящиеся с положениями международных договоров, составляющих нормативную основу ЕврАзЭС, или их интерпретацией (оценкой) Судом ЕврАзЭС. Удивительно, но реакция на такие решения Конституционного Суда была куда как более спокойной, никто на них не пенял; по крайней мере, многие наши записные критики считали, что Суд не только вправе, но и должен стоять на защите конституционных прав и свобод. Должен, если того требует сама Конституция, идти на то, чтобы, несмотря на принятые на себя международные обязательства, обеспечивать соблюдение конституционных гарантий прав и свобод российских, и не только, граждан.

Очень бы не хотелось, чтобы ситуация развивалась в том направлении, о котором Вы говорите, но вне зависимости от того, как она будет развиваться, все же не думаю, что граждане Российской Федерации будут лишены возможности международно-правовой защиты своих прав, в том числе судебной. Кроме того, не следует забывать, что любые наднациональные судебные юрисдикции служат лишь субсидиарными (дополнительными) инструментами защиты прав и свобод, а потому именно национальная судебная система России должна нести главную ответственность за обеспечение признания соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина всеми — законодательными, исполнительными, да и самими судебными — органами российской власти.

— Правильно ли я понимаю, что известный доктринальный спор о том, что в российской правовой системе выше по юридической силе — нормы Конституции в их истолковании Конституционным Судом или же нормы международного права и их толкование наднациональными судами, к примеру ЕСПЧ, — для Вас разрешен раз и навсегда?

— Я думаю, что в целом он разрешен, причем непосредственно самой Конституцией. Из нее с очевидностью вытекает, что в нашей правовой системе именно она обладает безусловным приоритетом, хотя бы потому что закрепляет основы конституционного строя, которые позволили России быть участницей многих международных договоров и соглашений, в том числе войти в состав Совета Европы, признать юрисдикцию Европейского суда по правам человека.

Это, однако, вовсе не свидетельствует, что значение международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права для России полностью нивелируется или существенно снижается, — ничего подобного. В подавляющем большинстве случаев противоречий, тем более неразрешимых, между Конституцией, международными договорами России и общепризнанными нормами и принципами международного права нет и быть не должно. Если же подобные коллизии, действительные или мнимые, все-таки проявляются в силу тех или иных причин, то и Конституционный Суд, и другие органы публичной власти РФ, и международные организации должны стремиться к тому, чтобы предотвращать их появление, а в случае возникновения таковых — сглаживать порождаемые ими разногласия и их последствия.

— На сегодняшний день известны две такие подтвержденные коллизии, которые возникали в практике КС РФ. Я имею в виду дело «Анчугов и Гладков против России»[2] и, условно говоря, дело ЮКОСа[3]. В обоих этих случаях уже были применены нормы нового российского законодательства, позволяющие Конституционному Суду оценивать на предмет конституционности толкование, данное Европейским судом по правам человека. Как бы Вы оценили первый опыт применения этого закона?

— Действительно, к настоящему моменту Конституционный Суд дважды по обращениям Министерства юстиции Российской Федерации рассматривал дела о возможности исполнения постановлений ЕСПЧ, принятых против России.

---

[2] См.: Постановление КС РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу „Анчугов и Гладков против России“ в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

[3] См.: Постановление КС РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу „ОАО ‚Нефтяная компания ‚ЮКОС‘‘ против России“ в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

Но, во-первых, Конституционный Суд никогда не заявлял о том, что у него есть право проверять постановления Европейского суда на предмет их соответствия Конституции и, более того, Конвенции. Для Конституционного Суда в таких делах всегда главным, если не единственным является вопрос: возможно ли исполнение решения, принятого ЕСПЧ, без нарушения Конституции? И если Конституционный Суд приходит к выводу, что в том формате, в каком предписал Страсбургский суд, это несовместимо с Конституцией, в том числе в истолковании ее положений Конституционным Судом, как это было в деле ЮКОСа, то Конституционный Суд вынужден констатировать, что исполнение постановления ЕСПЧ невозможно, во всяком случае до тех пор, пока Конституция остается такой, какая она есть.

Во-вторых, нельзя забывать, что все судьи Конституционного Суда перед вступлением в должность приносили присягу, клялись подчиняться при осуществлении своих полномочий, при отправлении правосудия Конституции, только ей и никому, и ничему более. Как следствие, они отвечают за судебно-правовую охрану Конституции, а не Конвенции, и ожидать от них иных решений было бы, наверное, опрометчиво.

— Председатель КС РФ В.Д. Зорькин неоднократно говорил о том, что необходим диалог между Конституционным Судом и органами европейского правосудия. В какой стадии сейчас находится этот диалог и, с Вашей точки зрения, насколько концептуальными являются расхождения по этим двум делам?

— Я, конечно, понимаю, что пока нет оснований утверждать, что этими двумя делами ситуация будет исчерпана, но все же давайте вспомним, сколько решений принимаются Страсбургским судом против Российской Федерации. И пока только в двух случаях Конституционный Суд посчитал, что исполнить эти решения без нарушения Конституции невозможно.

Конституционный Суд всегда исходил в своей практике из того, что разумный поиск приемлемых вариантов имплементации решений Страсбургского суда в национальную российскую правовую систему — это предпочтительный алгоритм действий российских властей, но ровно до тех пор, пока такая имплементация не вступает в противоречие с Конституцией.

> Если посмотреть на историю наших взаимоотношений с ЕСПЧ, вы увидите, что Конституционный Суд стал использовать правовые позиции Страсбургского суда, причем высказанные им в делах не только против России, но и против других стран, задолго до того, как Россия стала участницей Совета Европы и признала юрисдикцию ЕСПЧ.

Да и сегодня в большом числе наших постановлений воспроизводятся правовые позиции наших коллег из ЕСПЧ, которые мы зачастую задействуем как дополнительные аргументы, как доводы, которые, на наш взгляд, позволяют адекватнее, правильнее уяснить значение российских законов с учетом того места, которые занимают международные договоры в правовой системе России.

Поэтому нет сомнения, что диалог будет продолжаться. Возможно, он не будет бесконфликтным. Возможно, возникнут новые серьезные трудности, о которых мы пока еще даже не догадываемся. Но надо понимать, что эти трудности в отношениях между Конституционным Судом и ЕСПЧ вовсе не ограничиваются Россией. Такие же или аналогичные сложности существуют у Страсбурга также в отношениях с Великобританией, Италией, Францией, Германией, — стра́ны, в которых так или иначе возникают проблемы с исполнением решений ЕСПЧ, можно перечислять и далее. Например, еще в 2005 г. ЕСПЧ признал нарушением Конвенции отсутствие у английских заключенных права голоса на выборах, но в Великобритании фактически до сих пор не сделано ничего для исправления данной ситуации. То есть британский парламент не раз пытался внести соответствующие изменения в избирательное законодательство, но пока ничего не получается, в результате чего британское электоральное противостояние со Страсбургским судом превратилось в хронический вялотекущий конфликт, который, похоже, всех устраивает.

Повышенное же внимание к позиции Российской Федерации по этому вопросу привлечено потому, что она не стала уклоняться от его решения, в том числе путем затягивания, а нашла, как мне кажется, корректный конституционно-правовой способ его снятия: сказала, что, извините, но пока Конституция есть такая, какая она есть, и пока в ней сохраняется ч. 3 ст. 32, ничего со сплошным отстранением от голосования указанных лиц изменить нельзя.

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

— Один из пользователей портала «Закон.ру», комментируя дело ЮКОСа, отметил, что любое решение Конституционного Суда, которым будет признана возможность неисполнения постановления ЕСПЧ, будет, по сути, двойным нарушением Конституции — с материально-правовой и с формальной точки зрения — и будет требовать особого правового обоснования такого шага. Найдено ли такое оптимальное обоснование? Устраивает ли оно Вас? Или же найти его возможно только по итогам диалога, о котором мы сейчас вели речь, путем проявления взаимных уступок?

— Хочу подчеркнуть, что конфронтация ни в коей мере не может являться и не является целью отправления правосудия Конституционным Судом РФ. Возьмем, например, дело Анчугова и Гладкова и наше постановление, в котором мы признали невозможность исполнения решения ЕСПЧ, т.е. невозможность предоставления права голоса на выборах лицам, находящимся в местах лишения свободы по приговору суда. Вместе с тем важно отметить, что Конституционный Суд не поставил окончательную точку в этом деле, желая оставить пространство для поиска компромисса с версией толкования Конвенции, предложенной ЕСПЧ, тем более что Страсбургский суд далеко не сразу усмотрел нарушение в данном вопросе. Изначально он не находил проблемы в ограничении прав лиц, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда, т.е. в лишении заключенных права голоса. Затем он стал свою позицию корректировать, и весьма существенно, в делах против Великобритании, Австрии, Италии, России. Исходя из этого, Конституционный Суд, осознавая, что и у наших коллег из Страсбурга объективно наличествуют сложности в диалектическом (или, как они говорят, эволютивном) толковании Конвенции, сказал, что, поскольку мы понимаем те намерения, которыми руководствовался Европейский суд, говоря, что нельзя недифференцированно, сплошным образом лишать права голоса на выборах всех заключенных, включая и тех, кто, допустим, приговорен к незначительным срокам лишения свободы, без учета характера и последствий совершенного ими преступления, и поскольку в этом, несомненно, есть разумное зерно, наш законодатель мог бы это учесть. Но до тех пор, пока в Российской Федерации существует такой вид уголовного наказания, как лишение свободы с отбыванием его в соответствующих местах, все, кто там находятся, не могут не быть лишены активного избирательного права на выборах. По крайней мере, это касается выборов в федеральный парламент и в законодательные органы власти субъектов Федерации.

Поэтому я бы не стал утверждать, что Конституционный Суд, даже будучи вынужденным констатировать невозможность исполнения решения ЕСПЧ, всегда только этим и ограничивается. Это, в частности, подтверждается тем, что и по делу ЮКОСа Конституционный Суд счел необходимым отметить, что, в принципе, у российских властей остаются возможности, хоть и весьма скромные, при определенных условиях, исполнить решение Страсбургского суда, если не в полном объеме, то хотя бы в какой-то части. Что это, как не намерение достичь того компромисса, о необходимости которого все говорят?

— Исходя из того, что Конвенция является частью нашей национальной правовой системы, а единственным органом, уполномоченным осуществлять ее толкование, является ЕСПЧ, должны ли наши национальные суды воспринимать это толкование непосредственно и применять позиции ЕСПЧ при принятии своих решений? Или же им следует быть в этом осторожными с учетом того, что применение позиций Европейского суда может как-то повлиять на состояние конституционных прав?

— Сложно ответить на этот вопрос однозначно. Но, как мне думается, здесь нужно действовать по принципу «не усложняй». Очевидно, что для Российской Федерации обязательны к исполнению не все решения Страсбургского суда, а только те, которые приняты по делам против Российской Федерации. Именно такие решения ЕСПЧ по общему правилу являются директивными для нашего государства, в том числе и для судов, что обычно обязывает их к пересмотру дел заявителей. Кроме того, традиционно Страсбургский суд указывает в своем решении на необходимость выплаты компенсации заявителям, — это тоже требование, которое является обязательным для Российской Федерации. В этом отношении серьезных проблем, как правило, не возникает.

Чаще всего они появляются тогда, когда Страсбургский суд, помимо разрешения конкретных споров, с которыми к нему обращаются граждане России, во-первых, констатирует наличие у правовой системы России структурных или системных недостатков,

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

приводящих к тому, что нарушение прав и свобод российских граждан (юридических лиц) порождается не столько неправильным применением законов, сколько состоянием российского законодательства, противоречащего Конвенции, а во-вторых, предписывает Российской Федерации исправить не устраивающее его положение дел путем внесения изменений либо в законы, либо прямо в Конституцию.

> Если мы считаем, что для нашей правовой системы выше Конституции ничего нет и быть не может, то страсбургские судьи придерживаются прямо противоположных взглядов, согласно которым международные договоры России обязывают ее привести всю свою национальную правовую систему в соответствие с принятыми на себя международными обязательствами.

И неважно, о каких нормах и каких актах идет речь, будь это даже Конституция: если она вступает в противоречие с Конвенцией, ее также надо, без сомнения, прежде поправить. Вот на этой почве чаще всего и возникают разногласия с ЕСПЧ.

По делу Анчугова и Гладкова коллеги из Страсбурга, по сути, сказали следующее: раз заключенным мешает голосовать российская Конституция, поправьте Конституцию. Их не остановило то обстоятельство, что для изменения главы 2 Конституции (как раз в ней содержится статья 32, запрещающая участвовать в выборах всем, кто находится в местах лишения свободы по приговору суда), нужно принять новую Конституцию. А есть ли у них уверенность, что в новой Конституции не появится норма о том, что международные договоры не имеют приоритета не только над Конституцией, но и над обычными российскими законами? Как это сделано, например, в США, где международный договор по юридической силе не выше обычного закона, а преимущество имеет тот из источников права (договор или закон), который появился позднее. Если ставить вопрос о новой Конституции, то по итогам ее пересмотра мы можем не увидеть в ней многие из тех демократических ценностей, которые сегодня уже во многом утвердились в нашей жизни. Они тоже вполне могут быть скорректированы, — ведь желающих поправить Конституцию, и при этом в разных целях, хоть отбавляй. Есть у наших коллег из Страсбурга гарантия, что изменение Конституции окажется только к лучшему? Я в этом далеко не уверен. Не стоит забывать, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями.

В связи с этим хотел бы отметить еще одну деталь. Будучи судьей-докладчиком по делу Анчугова и Гладкова, я обращался к нашим ведущим научным учреждениям, в том числе СПбГУ, с просьбой высказать свое отношение к проблеме, которая встала перед Конституционным Судом. И нужно сказать, что, помимо чисто юридической, филологической, исторической и политологической оценки, ученые университета провели и своеобразный социологический мини-опрос, по результатам которого получили следующие данные: 82% опрошенных высказались против предоставления заключенным права голоса на выборах. Как известно, Конституция принималась на всероссийском референдуме. И не исключено, что, если — гипотетически — новая Конституция когда-то появится, она тоже будет принята всенародным голосованием. Соответственно, возникает резонный вопрос: захотят ли наши граждане предоставить осужденным право голоса на выборах?

К тому же не стоит забывать о серьезных издержках, которые могут возникнуть при исполнении этого требования Европейского суда. Если упрощенно представить то, что России предлагает Страсбургский суд, это будет выглядеть так: из Конвенции вытекает, что нельзя без разбора лишать права голоса всех, кто находится в местах лишения свободы по приговору суда, нужно действовать как минимум избирательно и хотя бы кому-то такое право предоставить. Наша же Конституция прямо гласит, что никто из тех, кто находится в местах лишения свободы по приговору суда, не может принимать участия в выборах. Предположим на секунду (не забывая, что это допущение лишено каких-либо веских оснований), что Конвенция выше Конституции. Это будет означать только одно — на выборах в Государственную Думу и в законодательные органы власти субъектов Федерации такие граждане (их часть) должны получить право голоса. Однако никаких оснований для предоставления им права голоса на президентских, губернаторских и муниципальных выборах в силу Конституции нет и быть не может. Ведь Конвенция гарантирует проведение только выборов органов законодательной власти, что и сам Страсбург неоднократно подчеркивал в своих решениях. Всё, что находится за рамками выборов законодательной власти, Европейской конвенцией не охватывается. Под этим

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

углом зрения важно напомнить, что в Российской Федерации, по крайней мере по действующему закону, мировые судьи также могут замещать свои должности не только по решению законодательного органа власти субъекта Федерации, но и по результатам прямых выборов населением.

> Так что, когда Страсбург оправдывает свои решения европейским консенсусом и стремлением к полноценному, максимально возможному в XXI в. обеспечению всеобщего избирательного права, надо все-таки понимать, что у этой медали есть две стороны: вряд ли возможно совместить допуск какой-либо части заключенных к выборам законодательных органов с сохранением тотального запрета на пользование ими активным избирательным правом на всех других выборах.

— Вы сказали, что ЕСПЧ иногда обращает внимание на порочность нашего законодательства. Разве это плохо? Возьмем одну из самых острых проблем последнего времени — реализацию гражданами своего права собираться мирно, без оружия. Наличие здесь проблемы признал не только ЕСПЧ, но и Конституционный Суд. Но если судить по тому, что сказал министр юстиции РФ в одном из последних интервью, органы юстиции не видят необходимости в законодательных поправках, полагая, что достаточно применения этих норм в контексте позиций Конституционного Суда. Как Вы считаете, нет ли необходимости в таких случаях все-таки ставить вопрос о необходимости системных законодательных изменений?

— Этот вопрос довольно часто звучит в отношении Конституционного Суда и возможностей его влияния на совершенствование законодательства. Но дело в том, что перед Конституционным Судом не стоит и не должен стоять вопрос, как сделать правовую систему, в том числе ее нормативный компонент, лучше. Конституционный Суд должен лишь ответить на вопрос: соответствует проверяемый им закон Конституции или нет? Если вместо того, чтобы оценить на предмет соответствия Конституции нормы законодательства о публичных мероприятиях, о свободе собраний, либо в дополнение к этому Конституционный Суд будет брать на себя ответственность за возможные модели развития проверяемого законодательства, то тем самым он — вольно или невольно — начнет принимать политические решения, которые должны оставаться уделом президента, парламента и правительства.

Признание Конституционным Судом действующего законодательства о публичных мероприятиях соответствующим Конституции (правда, при определенном его конституционно-правовом истолковании) вовсе не означает, что образующие его нормы должны быть такими и только такими. Конечно, они, наверное, могут быть и лучше, и либеральнее. Кто же спорит? Но опять же: для конституционного правосудия вопрос стоит в том, как имеющееся законодательство соотносится с Конституцией? Если есть какие-то точки расхождения, какие-то моменты, которые Конституции противоречат, то Суд, безусловно, вправе ориентировать законодателя на то, чтобы эти моменты поправить. Как он будет их поправлять — это уже дело законодателя. Поэтому, когда судей Конституционного Суда спрашивают: «Разве вы не видите, что может быть лучше?», они могут дать только один ответ: «Конституционный Суд не полномочен заниматься улучшением качества законов, он вправе лишь решать, соответствуют ли установленные законодательной властью правила действующей Конституции».

И потом, законодательство зачастую меняется: сначала законодатель выбирает один вариант, затем другой. Взять хотя бы избирательную систему: сколько раз за последнее время она менялась, в частности в вопросе выборов депутатов Государственной Думы или порядка замещения губернаторских должностей. То были выборы губернаторов, то от них отказались, фактически введя институт инвеституры — наделения соответствующими полномочиями решением законодательного органа власти по предложению Президента. Теперь субъектам Федерации дали возможность самим решать, будут ли они замещать должность губернатора (главы субъекта Российской Федерации) путем прямых выборов населением или оставят это полномочие за законодательным органом власти. Если решат проводить выборы, то надо определиться, только ли партии смогут выдвигать кандидатов или допускается и самовыдвижение. Федеральный центр не навязывает им безальтернативных вариантов, он дает возможность выбора. Вы спросите: «А что лучше — иметь самовыдвижение или не иметь?» С моей точки зрения, наверное, демократичней иметь и выборы, и различные легальные процедуры участия в них граж-

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

дан, в особенности беспартийных. Но это не значит, что отказ от выборов губернаторов или отсутствие института самовыдвижения кандидатов на таких выборах вступает в противоречие с Конституцией. Ни то ни другое Конституции не противоречит. Что лучше? На этот вопрос должен отвечать не Конституционный Суд, а законодатель, не забывая о федеративной природе нашего государства.

— Тем не менее иногда критические оценки состояния нашего законодательства звучат и из уст судей КС РФ. Вы, например, в 2014 г. говорили о том, что российское законодательство об административной ответственности до сих пор испытывает на себе советские пережитки и ему нужно от них поскорее избавиться. Тогда речь шла в том числе о гибкости мер административного наказания. На сегодняшний день наш КоАП по-прежнему во многом находится под влиянием советской наследственности?

— Что касается административной ответственности и возможностей ее использования в современных условиях, то здесь, как мне кажется, вопросов остается еще очень и очень много. К сожалению, административная ответственность по инерции, идущей из советского времени, действительно нередко воспринимается упрощенно, особенно в сравнении с ответственностью уголовной. Ее традиционно принято считать не столь репрессивной и обременительной. Но это уже давно не так. Давайте посмотрим на систему наказаний, которые установлены в Кодексе об административных правонарушениях: административный арест до 30 суток; штраф за отдельные виды административных правонарушений, особенно для юридических лиц, на миллионы или, более того, миллиарды; административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранцев и апатридов. То есть сегодня это санкции, которые по своему ограничительному воздействию на нарушителей в некоторых случаях не только сближаются с уголовными наказаниями, но и превосходят их.

> Сегодня законодатель должен решить для себя главный вопрос: ради чего существует административная ответственность?

Что она собой представляет? В каком соотношении она находится с уголовной ответственностью? При этом нельзя забывать о позиции Европейского суда по правам человека, который исходит из того, что по своей природе административная ответственность — это фактически та же уголовная ответственность.

Следовательно, те гарантии, соблюдение которых необходимо при уголовном преследовании, должны иметь место и в случаях, когда речь идет о привлечении к административной ответственности, как минимум тогда, когда административную ответственность применяют и реализуют судебные органы власти. У нас растет число составов административных правонарушений, дела по которым рассматриваются судами общей юрисдикции. В то же время нельзя игнорировать то, что в таких делах стороны обвинения нет, вследствие чего эту функцию вынужден примерять на себя суд. На это уже неоднократно обращал внимание ЕСПЧ, напоминая России, что если, по сути, административная ответственность идентична по своей природе уголовной репрессии, то и процедуры привлечения к ней должны быть соответствующими.

> По-прежнему не может не вызывать удивления, почему законодательство об административных правонарушениях грешит обилием безальтернативных, абсолютно определенных санкций.

Есть немало составов правонарушений, за которые, увы, предусмотрен только один вид наказания — штраф, да и тот в фиксированном размере. А как же индивидуализация ответственности? Получается, что кто бы, при каких бы обстоятельствах ни допустил нарушение, все равно получит один и тот же административный штраф. В то же время представить себе существование абсолютно определенных уголовных штрафов практически невозможно.

> Немало вопросов вызывает и ответственность юридических лиц. Они главным образом продиктованы тем, что все прекрасно понимают: само по себе юридическое лицо нарушить требования закона не может — это всегда следствие действий конкретных, как правило должностных, лиц.

Соответственно, неизбежны веские сомнения относительно того, почему наряду с этими должностными лицами ответственность несет и юридическое лицо. Хотя многим из нас уже привычно говорить об административной ответственности юридических лиц, но, возмож-

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

но, как раз в этой привычке и заключается опасность ее толерантного восприятия.

— Это вытекает в том числе из рекомендаций группы *GRECO*, которая занимается разработкой стандартов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Более того, они говорят, что нужно ввести уголовную ответственность юридических лиц.

— Думаю, что само по себе использование института ответственности юридических лиц не лишено рациональных оснований; однако не стоит забывать о разумных пределах их привлечения к административной и уголовной ответственности, о круге юридических лиц, которые могут быть субъектами такого вида ответственности, об особенностях их административной и уголовной деликтоспособности. Например, в российской правовой системе почему-то считается неважным, о каком юридическом лице мы говорим, когда речь заходит о субъекте административной ответственности, в том числе независимо от состава правонарушения. В результате к административной ответственности привлекаются любые юридические лица, включая органы государственной власти и органы местного самоуправления. И это несмотря на то, что ни в одном иностранном правопорядке, где ответственность юридических лиц давно существует, органы публичной власти к административной или уголовной ответственности ни при каких условиях не привлекаются. У нас же сложились довольно странные представления о том, что законы в равной степени обязательны для всех, а потому и государственные (муниципальные) органы не могут быть выведены из-под действия механизмов юридической ответственности за их нарушение. Интересно, если перед законом равны все, означает ли это, что к административной (а в перспективе и уголовной) ответственности следует привлекать не только министерства, администрации, комитеты, департаменты и т.д., но и, например, суды? Я уже не говорю о забавной ситуации, когда юридические лица привлекаются к административной ответственности за такое нарушение правил дорожного движения, как превышение установленной скорости движения. Вы можете себе представить юридическое лицо, управляющее автомашиной и нарушающее лимиты скорости?

— Оно привлекается как собственник источника повышенной опасности.

— Да, но состав административного правонарушения — превышение установленной скорости движения. И для того, чтобы был этот состав, необходимо убедиться, что именно нарушитель своими действиями исполнил объективную сторону противоправного деяния. В голове не укладывается, как можно представить, что юридическое лицо село в автомобиль, выехало на улицу и превысило скорость движения. Более двухсот лет тому назад Т. Джефферсон указывал, что законы пишутся для людей обыкновенных и должны отвечать обыкновенным правилам здравого смысла. Где здесь здравый смысл, не понимаю? Даже если согласиться с тем, что юридическое лицо в этом случае привлекается к административной ответственности как собственник (владелец) источника повышенной опасности, то почему это происходит лишь тогда, когда соответствующее нарушение правил дорожного движения зафиксировано при помощи специальных технических средств? Разве нарушение перестанет быть нарушением, если его выявит сотрудник ГИБДД и задержит водителя, нарушающего правила, а автомобиль окажется принадлежащим юридическому лицу? Почему юридическое лицо не привлекается к ответственности в этом случае? Определение состава правонарушения в зависимости от способа его выявления — это, боюсь, сугубо российское ноу-хау, и едва ли оно отличается безупречностью.

Как видите, проблем в этой сфере остается достаточно много. Государственная Дума предыдущего созыва взяла на себя ответственность за разработку проекта нового Кодекса об административных правонарушениях. Конечно, те новеллы, которые были заложены в его Общую часть, вряд ли можно назвать совершенными, но они во многом отвечали современным реалиям. Жаль, что сейчас работа над КоАП застопорилась, но вроде бы в планах Госдумы на 2018 г. значится обсуждение его нового проекта. Будем надеяться.

— Вы в целом допускаете возможность введения уголовной ответственности для юридических лиц. Тем не менее криминалисты, известные ученые, которые выступают против этого, говорят о том, что в таком случае придется пересмотреть концептуальную основу уголовного права, например принцип субъективного вменения, который сегодня зиждется на психологической теории вины. Нет ли здесь опасности подрыва основ нашей теории уголовного права?

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

— Мы с Вами только что говорили о том, что административная ответственность не становится принципиально отличной от уголовной ответственности только потому, что одному запрещенному деянию присвоен титул «административное правонарушение», а другому — «преступление». Хотелось бы этого или нет, но нельзя не признать (и не только потому, что на это указывают коллеги из ЕСПЧ), что по большому счету грань между административной и уголовной ответственностью достаточно условна. Когда на юридические лица налагаются огромные административные штрафы, в разы превосходящие штрафы уголовные, мы же не переживаем, что это разрушает рафинированную чистоту отечественной теории о правонарушении (преступлении), его составе, вине?

Здесь нужно искать разумный выход. Вряд ли кто-то будет отрицать, что сегодня физические лица, желая обезопасить себя от возможных неблагоприятных последствий привлечения к уголовной ответственности, заблаговременно прячут имущественные объекты и иные ценности в собственности юридических лиц. Как эффективно противодействовать подобному поведению, особенно в интересах борьбы с коррупцией?

И потом, мы все-таки не будем пионерами: во многих странах уголовная ответственность юридических лиц давно и вполне успешно эксплуатируется, и нам, если мы решимся на такой шаг, не нужно будет действовать с чистого листа или изобретать велосипед.

— Но в этих странах нет таких понятий, как «административная ответственность», «налоговая ответственность», — всё это охватывается понятием уголовного права, малого уголовного права.

— Да. И в этом смысле нам еще, возможно, придется разбираться с состоянием своей правовой системы. Возьмем, например, идею уголовных проступков, которая сегодня активно обсуждается как теоретиками, так и практиками. Чаще всего ее сторонники высказываются в пользу того, чтобы вычленить из категории преступлений уголовные проступки, т.е. такие уголовно-противоправные деяния, которые по своему характеру объективно не нуждались бы в полномасштабной уголовной репрессии, обходились бы без применения наказания в виде лишения свободы и не влекли для привлеченных к ответственности за их совершение судимости. В моем понимании данная идея была бы более привлекательной, если бы наряду с этим из Кодекса об административных правонарушениях изъяли все составы, которые по своим признакам тяготеют к преступлениям (большинство из них рассматриваются судами), и также придали им качество уголовных проступков.

— Получается, из Налогового кодекса тоже.

— Не исключено, так как закрепление параллельно с административной ответственностью за нарушение налогового законодательства, еще и самостоятельной налоговой ответственности выглядит весьма проблематично.

> Если бы из административных правонарушений и преступлений сформировалась особая группа таких противоправных деяний, как уголовные проступки, дела по которым рассматривались бы только судами с обязательным участием государственного обвинителя, тогда многие справедливые претензии в адрес административной ответственности в ее современном формате, возможно, были бы сняты.

И одновременно была бы обеспечена гуманизация уголовного закона.

— Конституционный Суд недавно принял Постановление, которое касается конституционности норм ГПК РФ о новых обстоятельствах[4]. Принципиальный вопрос, затронутый в этом Постановлении, был о том, можно ли признавать таковыми позиции коллегий Верховного Суда. Как бы Вы его прокомментировали? И как Вы относитесь к проблеме судебного правотворчества в России, если таковое, на Ваш взгляд, имеет место?

— Вопрос, поставленный перед Конституционным Судом в данном деле, был решен с опорой на правовые позиции, сформулированные в известном Постановлении 2010 г.[5] в отношении прецедентного значения

[4] Постановление КС РФ от 17.10.2017 «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других».

[5] Постановление КС РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170,

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

актов Высшего Арбитражного Суда, в которых Конституционный Суд признал, что коль скоро в ст. 46 Конституции напрямую не обозначены конкретные способы судебной защиты прав и свобод граждан, то у законодателя есть достаточно широкая дискреция определять и институциональные, и процедурные механизмы такой защиты. При этом он должен не забывать о балансе двух конституционных ценностей. Первая — это справедливое правосудие, предполагающее, что решения судов не могут уживаться с серьезными, существенными или, в риторике Страсбургского суда, фундаментальными ошибками (дефектами). Если такие фундаментальные ошибки всё же допускаются судом, то они должны быть исправлены. Но есть и вторая ценность — неопровержимость вступивших в силу судебных решений, без которой немыслим принцип правовой определенности. Если судом принято решение и оно вступило в законную силу, такое решение должно уважаться и исполняться, а стороны, которые получили вступившее в законную силу судебное решение, должны быть уверены в своем статусе, приобретенных правах. Вопрос, стало быть, в том, как совместить требования справедливого правосудия, которое не должно сосуществовать с фундаментальными ошибками, с правовой определенностью и неопровержимостью судебных решений.

Конституционный Суд исходит из того, что если судами были допущены существенные, грубые просчеты (дефекты) в толковании правовых норм, то, конечно, должна иметься возможность их исправить, в том числе через пересмотр спорных позиций. Это не противоречит Конституции и требованиям справедливого правосудия. Вместе с тем надо понимать, что если в результате деятельности судов, в особенности Верховного Суда, происходит кардинальное переосмысление правопонимания и, стало быть, правоприменения, то и последствия такого переосмысления, в том числе в контексте возможного пересмотра на этом основании ранее принятых судебных решений, вступивших в законную силу, должны быть подробно оговорены в законе. При этом Конституционный Суд полагает, что изменение правопонимания, которое может рассматриваться в качестве нового обстоятельства, должно исходить только от тех судебных инстанций, решения которых обладают необходимыми для признания новым обстоятельством свойствами. Определениям судебных коллегий Верховного Суда, принятым по конкретным делам, такие свойства не присущи: они не отражают мнения всего Верховного Суда, не являются окончательными и вполне могут быть поправлены как Президиумом при рассмотрении конкретного дела, так и Пленумом при разъяснении практики применения соответствующих норм. К тому же не стоит забывать, что в нынешних условиях, когда применение одних и тех же правовых норм осуществляется различными коллегиями, не исключен вариант, когда исходящее от них толкование одной и той же нормы будет иметь взаимоисключающий характер. Каким тогда толкованием руководствоваться?

Соответственно, Конституционный Суд полагает, что с точки зрения действующей Конституции и с учетом основанного на ней конституционно-правового формата деятельности Верховного Суда определения коллегий Верховного Суда ни при каких обстоятельствах не могут обладать качествами, которые бы придавали им значение новых обстоятельств, свидетельствующих о появлении оснований для пересмотра «засиленных» судебных актов.

Стало быть, как и записано непосредственно в тексте ГПК РФ, такими свойствами могут обладать лишь постановления Пленума Верховного Суда и Президиума Верховного Суда. Как следствие, даже обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом, тоже не могут претендовать на статус новых обстоятельств, оговоренных п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ.

— Но ведь судебные обзоры скорее констатируют общие проблемы, чем касаются конкретных дел. К тому же постановления Президиума тоже могут быть пересмотрены, как и постановления Пленума Верховного Суда.

— Если акты Президиума или Пленума Верховного Суда в дальнейшем подвергаются соответствующей судебной ревизии, то следствием этого также может быть корректировка ранее принятых судебных решений, основанных на прежних правовых позициях. Но даже если в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда существенным образом меняется

пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества „Производственное объединение ‚Берег‘“, открытых акционерных обществ „Карболит“, „Завод ‚Микропровод‘“ и „Научно-производственное предприятие ‚Респиратор‘“».

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

понимание того или иного законоположения, это само по себе еще не должно квалифицироваться в качестве нового обстоятельства. С учетом тех позиций, которые Конституционный Суд уже высказывал, для того чтобы такое постановление могло восприниматься в качестве обстоятельства, влекущего пересмотр аналогичных дел, нужно соблюсти ряд условий. Во-первых, в самом постановлении должно содержаться прямое указание на то, что за ним признается статус нового обстоятельства. Во-вторых, для пересмотра дела требуется соблюдение процессуальных сроков, установленных законодательством, т.е. он допускается не бессрочно. И, в-третьих, изменившееся правопонимание ни при каких условиях не должно влечь пересмотр дел по новым обстоятельствам, если оно ухудшает положение граждан в гражданских, трудовых или иных отношениях с органами (иными представителями) публичной власти.

> Необходимо строго руководствоваться тем, что если судебные решения в отношении граждан, принятые по спорам с органами (должностными лицами), наделенными публичными полномочиями, вступили в законную силу, то даже изменение в последующем постановлением Пленума Верховного Суда, интерпретации правовой нормы, которой ранее руководствовались суды, не может по общему правилу приводить к пересмотру таких решений.

Оно в состоянии иметь ретроактивный эффект только в том случае, если не приводит к ухудшению положения граждан в отношениях с субъектами публичной власти. К сожалению, практика показывает, что таких случаев немного, вследствие чего Конституционный Суд и был вынужден сделать соответствующую оговорку.

> Что касается вопроса об обзорах судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда, то, как отметил Конституционный Суд, включение судебных актов, вынесенных судебными коллегиями Верховного Суда в такие обзоры, не изменяет их юридических свойств, поскольку при включении в обзор того или иного судебного акта, вынесенного судебной коллегией Верховного Суда, не происходит рассмотрения конкретного дела в процедуре, предусмотренной гражданско-процессуальным законом.

— Вы позиции высших судебных инстанций не воспринимаете как правотворчество?

— Считаю, что применительно к судам, в том числе к Конституционному (хотя многие думают, что его решения, особенно постановления, обладают признаками нормативности, являются специфическими правотворческими актами, сопоставимыми по своей юридической силе чуть ли не с самой Конституцией), так говорить нельзя. Это далеко не безопасно. Есть разделение властей. Есть законодательная власть, ее удел — принимать законы. Задача исполнительной власти — организовывать их исполнение, осуществляя, если потребуется, подзаконное нормотворчество. Миссия же судебной власти — быть беспристрастным арбитром. И если суд начинает по своему усмотрению творить новые правила, а потом по ним осуществляет судебное разбирательство, это не укрепляет веру ни в разделение властей, ни в объективность и независимость суда, ни в справедливость правосудия.

— Но ведь есть примеры, когда правоприменение радикально менялось после толкования, данного Пленумом высшего суда. Возьмем, например, Постановление Пленума ВАС РФ о свободе договора и ее пределах[6]. По сути, оно перевернуло взгляд на толкование многих норм обязательственного права, более того, сориентировало на телеологическое толкование данных норм, когда суд анализирует и решает, является эта норма императивной или диспозитивной. Где здесь граница между правотворчеством и судебным толкованием? По большому счету, это все равно некое сотворение новых правил.

— Едва ли. Ведь ст. 15 (ч. 2) Конституции гласит: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации». Суды обязаны? Да, они осуществляют интерпретацию законов, но, если она носит слишком вольный характер, за это приходится расплачиваться. Что касается случаев, когда суды сначала одним образом интерпретируют правовые нормы, а потом решают толковать их с точностью до

[6] Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

наоборот, то, с одной стороны, можно сказать, что если норма амбивалентна и позволяет диверсифицировать свое нормативное содержание, то это вопрос качества закона. С другой стороны, если суды, тем более в течение ограниченного промежутка времени, используют прямо противоположные подходы к интерпретации и применению одних и тех же юридических норм, это и вопрос качества отправления правосудия.

В связи с этим хотелось бы напомнить правовую позицию, которую Конституционный Суд сформулировал в Постановлении по делу Анчугова и Гладкова, когда признал невозможным исполнение решения Страсбургского суда, не вдаваясь в оценку его обоснованности и правомерности. Суть ее сводится к тому, что когда ЕСПЧ занимается уяснением смысла отдельных положений Европейской конвенции, ему очень важно не переступать ту тонкую грань, которая отделяет ее толкование от пополнения Конвенции новыми правилами, которые из нее никак не вытекают. И хотя это суждение было адресовано Страсбургскому суду, не вызывает сомнения, что оно в равной мере значимо и для Конституционного Суда, когда он занимается толкованием Конституции и выявлением конституционно-правового смысла проверяемых законоположений, и для обычных судов, когда они осуществляют применение законов, поскольку именно «изобретение» судами новых правил, которые не имеют ничего общего ни с Конституцией, ни с международными договорами, ни с законодательством, по сути, превращает суды в правотворцев и тем самым порождает серьезные риски неограниченной судейской дискреции.

> Если в российских условиях безоговорочно признать за судами право интерпретировать правовые нормы, не будучи связанными запретом на их самостоятельные изменение и дополнение, это может весьма и весьма дискредитировать судебную власть, а в конечном итоге — и всю государственную власть.

Представьте для сравнения, что мы с Вами начнем играть в футбол, а судья будет судить, изобретая новые правила по ходу игры. И как тогда быть: вы забили год, радуетесь, а он говорит: «Нет, теперь выигрывает команда, которая больше мячей пропустила, а не забила».

Можно, конечно, апеллировать к мнению авторитетного немецкого государствоведа Г. Еллинека, более ста лет назад утверждавшего, что смысл и искусство толкования Конституций в том и состоит, чтобы вынести из нее не то, что в ней есть, а то, чего в ней нет. Боюсь, однако, что буквальное восприятие данного тезиса, а тем более последовательное применение вытекающего из него подхода к интерпретации правовых предписаний будет иметь мало общего с правовым государством и верховенством закона.

— Хорошо, но разве признание нормы неконституционной не является порождением новых правил?

— Нет, потому что, признавая норму неконституционной, Конституционный Суд открывает дорогу для прямого применения Конституции. Он ничего нового не изобретает и только говорит, что из правовой системы изымается противоречащая Конституции норма и впредь до того момента, пока законодатель не исправит ситуацию, должна действовать непосредственно Конституция.

> Впрочем, было бы неправильно отрицать тот факт, что в режиме временного регулирования Конституционный Суд иногда все-таки позволяет себе формулировать правовые нормы, указывая, какими правилами необходимо руководствоваться субъектам соответствующих правоотношений до тех пор, пока законодатель не примет необходимых решений.

Это, наверное, не очень хорошо, и поэтому Конституционный Суд в последнее время склонен не столько к признанию проверяемых законов неконституционными, сколько к выявлению их конституционно-правового смысла. Когда Суд выявляет указанный смысл, он как бы говорит: из Конституции вытекает вот такое понимание и применение закона, непосредственно не устанавливая каких-либо новых правил. Это вынужденная мера, к которой приходится прибегать, чтобы обеспечить правовую определенность и не заблокировать действие иных связанных с проверяемой нормой положений. Хотя, например, наши коллеги из Конституционного суда Австрии, когда мы их спросили, как они поступают, когда приходят к выводу, что норма расходится с Конституцией, ответили, что они просто объявляют такую норму неконституционной, а дальше — дело за законодателем и судами общей

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41

юрисдикции; они должны найти выход из положения. А Конституционный Суд, если нужно, проверит на конституционность и его.

> В любом случае — независимо от того, объявляет ли Конституционный Суд закон неконституционным, одновременно устанавливая временное регулирование взамен признанного дефектным по отношению к Конституции, или выявляет конституционно-правовой смысл проверяемых законоположений — ему надлежит быть максимально осмотрительным и не допускать подмены своими решениями конституционных норм.

Иначе он легко может вместо «ангела-хранителя» Конституции превратиться в ее тень, живущую, как в одноименной пьесе Е. Шварца, по собственным правилам, не имеющим ничего общего с подлинным конституционным правопорядком.

И еще стоит учитывать, что когда Конституционный Суд дисквалифицирует проверенную норму и поручает законодателю внести в действующие нормы права соответствующие коррективы, в то же время указывая на то, какими правилами поведения впредь, до соответствующей реакции законодательной власти, необходимо руководствоваться заинтересованным лицам, парламент вполне может не утруждать себя поиском иного варианта, а просто придать таким временным правилам статус закона. При таком развитии событий, которое вовсе не выглядит маловероятным, Конституционный Суд в перспективе может столкнуться с обращением, в котором будет поставлен вопрос о соответствии указанных правил Конституции. И как тогда их проверять? Ведь фактически Суд будет вынужден оценивать то, насколько его собственные представления о допустимом, пусть и во временном режиме, правовом регулировании соответствуют Конституции. А как же тогда принцип, согласно которому никто не может быть судьей в своем собственном деле? Это наглядно показывает, что риски неизбежны как при объявлении законоположений неконституционными, так и при признании их соответствующими Конституции в выявленном конституционно-правовом смысле, что обязывает Конституционный Суд тщательно обдумывать варианты всех своих решений, в том числе в целях нахождения такого из них, который был бы сопряжен с наименьшими издержками для правотворчества и правоприменения.

— В Регламенте КС РФ недавно был закреплен институт *amicus curiae*. Он предполагает возможность направления в суд инициативных правовых заключений. Означает ли это, что суд все их будет изучать? Как вы будете проверять заключения на предмет соответствия критериям объективности?

— Действительно, недавно в Регламенте получило прямое закрепление упоминание о так называемых друзьях Суда, которые вправе направить в Суд свои экспертные заключения (оценки), касающиеся тех или иных законоположений, в отношении которых Конституционный Суд принял решение о предстоящей проверке конституционности. «Друзьями Суда» могут выступать ученые-правоведы, научные учреждения и учебные заведения, некоммерческие организации различного профиля, а также любые иные субъекты гражданского общества, испытывающие потребность в доведении до Конституционного Суда своих суждений относительно соответствующего законодательного регулирования.

Не думаю, что появление у наших граждан и организаций такой возможности приведет к тому, что Конституционный Суд окажется заваленным их письмами и заключениями. Все-таки проведение квалифицированных юридических исследований и подготовка на их основе качественных юридических материалов весьма затратны как по интеллектуальным, так и по временным параметрам, а потому под силу далеко не каждому. Во всяком случае, до сих пор нам не приходилось сталкиваться с активным направлением в адрес Конституционного Суда инициативных заключений; для того чтобы сосчитать количество последних, хватило бы пальцев на одной руке.

Впрочем, закрепленное в Регламенте приглашение всех неравнодушных граждан к конструктивному обсуждению конституционно-правовых вопросов, встающих перед Конституционным Судом в процессе конституционного судопроизводства, может существенно поспособствовать росту числа «друзей Суда», а через это и большей транспарентности его деятельности.

Loaded: 13-07-2025 PMt 12:19:41